

Наступление Нового года развеяло мрачную атмосферу, оставшуюся после великой траура по покойному императору. Во всех дворцах, с хозяевами и без, царила праздничная суэта: подметали черепицу, вытирали плитку, готовясь к торжеству.

Хэ Сы, как хранитель печати Дворцового секретариата, был в это время невероятно занят. Любое, даже самое незначительное дело во дворце требовало его внимания. В правительстве, даже если ничего важного не происходило, ежедневные доклады всё равно шли через него для наложения алой резолюции. А уж про Восточную палату и говорить нечего — тысячник-палач и сотник-дознаватель так и норовили присесть у его порога на скамейку, щёлкать семечки и болтать без дела.

Все они ждали от него денег.

Глаза Хэ Сы почернели от недосыпа, он ходил, словно плыл по облакам, и когда его окликали, приходил в себя с заметной задержкой. Но хуже всего он реагировал на слова «серебро» и «деньги» — услышав их, тут же хватал пилюли для сердца, да так, что проглатывал целый флакон.

Чжао Цзинчжун трясся от страха, как бы их начальник однажды не переборщил с лекарством и не уснул навеки.

Хэ Сы ничего не мог поделаться — лишь с помощью сердечных пилюль и держался, иначе, едва завидев заимодавческое лицо министра финансов Юнь Цуна, его тут же посещало желание убить того и покончить со всем разом.

Сегодня был конец месяца, и по обычаю Хэ Сы отправился в Восточную палату на небольшое совещание с подчинёнными, чтобы распределить сыскные задачи на следующий месяц.

Хотя под Новый год многие мелкие служащие разъезжались по домам в отпуск, охрана и порядок в столице должны были быть куда строже, чем обычно.

Ведь в город начинали съезжаться удельные князья. Это была серьёзная битва, и Хэ Сы велел Чжао Цзинчжуну подготовить не только ящики с пилюлями для сердца, но и эликсиры «девяти превращений».

Князья Великой Янь — народ беспокойный, каждый из них словно рождён для смуты. Каждый их приезд в столицу оборачивался кровавой баней, как, например, во время похорон покойного императора. Тогда у руля ещё стоял приёмный отец Хэ Сы. Говорили, что в борьбе за возведение на престол юного императора тот так измотал себя схватками с князьями, что похудел со ста девяноста до ста восьмидесяти цзиней. Ясно, что процесс был невероятно тяжким, а противостояние — изнурительным.

Из-за возвращения князей Хэ Сы уже несколько ночей подряд не мог нормально поспать. На губах у него высыпали фиолетовые пузырьки, и он ежедневно пил хризантемовый чай, чтобы унять жар и успокоить дух. В сочетании с безмятежностью, даруемой сердечными пилюлями, Хэ Сы чувствовал, что стоит ему накинуть монашеское одеяние — и он тут же достигнет просветления и вознесётся.

К счастью, во дворце пока царило затишье, и лишних хлопот ему не доставляли.

После того как юный император, напившись, устроил переполох в чертогах Возвращения Сердца и Небесной Чистоты, и во Дворце Вечной Весны, и в покоях самого императора наступило несколько дней спокойствия. Пора было отправляться в Восточную палату —

назначать задачи и заодно проверить, есть ли прогресс в деле о падении в воду в квартале Дунпин.

После того как Хэ Сы проучил Юэ Чжуна, Императорская гвардия наконец-то стала вести себя в столице поскромнее. В конце концов, все они служили в одном месте, и на поверхности незачем было сходиться в смертельной схватке — иначе каждый раз, встречаясь, они хватались бы за оружие, и никто не оставался в выигрыше.

В прошлый раз Хэ Сы пришёл в ярость, потому что его собственная жизнь едва не оборвалась в крепостном рву. Если бы он не проучил Императорскую гвардию, те так и продолжали бы считать его мягкотелым.

Именно из-за этого покушения, связанного с одним высокопоставленным лицом, Хэ Сы «естественным образом» задержал серебро, которое должен был вернуть Министерству финансов для выделения Императорской гвардии.

Юнь Цун ничего не мог с этим поделать, а гвардейцы, чувствуя свою вину, не смели и пикнуть.

После этого Хэ Сы окончательно уверился: стоит только отбросить стыд — и в Поднебесной не найдётся дела, которое было бы не по плечу ему, наместнику!

Размышляя об этом, он прибыл в Зал Созерцания Моря Восточной следственной палаты.

Четыре Великих Хранителя, тысячник-палач и сотник-дознаватель уже ждали его в зале. Остальные двенадцать старших офицеров выстроились в два ряда перед входом.

Увидев Хэ Сы, они хором прокричали: «Да здравствует наместник!»

Надо сказать, зрелище было внушительное. Хэ Сы мысленно сравнил это с Императорской гвардией и счёл, что его люди ничуть не уступают.

Совещание прошло, в общем-то, стандартно. Тысячник-палач принёс коробку с жребиями, и старшие офицеры по очереди вытягивали участки, за которые будут отвечать.

Поскольку в следующем месяце был Новый год, Хэ Сы добавил несколько слов, ещё раз всех предупредил и отпустил старших офицеров.

Остались лишь ключевые члены Восточной палаты — те, чьих имён не решались произносить ни чиновники, ни простолюдины.

Хэ Сы расслабил спину и слегка откинулся в кресле:

— Те бандиты, что напали на меня в квартале Дунпин, пойманы?

При этом вопросе все напряглись. Тысячник-палач взглянул на Четырёх Великих Хранителей, которые делали вид, что их нет, мысленно выругался и, склонив голову, ответил:

— Наши люди вышли на след через двух схваченных тогда гвардейцев. Поскольку в тот же день был введён комендантский час, нападавшие не смогли покинуть город. Но...

Услышав это «но», Хэ Сы понял: дело плохо.

— ...когда мы их нашли, они уже были мертвы от яда, — продолжил тысячник-палач. — Неизвестно, отравил их кто-то или они сами покончили с собой, поняв, что бежать не удастся.

— Трупы осмотрел судебный эксперт?

— Осмотрел. Яд западный, невероятной силы.

Услышав о западном яде, в голове Хэ Сы что-то мелькнуло. Кажется, он где-то слышал нечто подобное, но в последнее время был так занят, что сразу вспомнить не мог.

Он положил браслет из турмалиновых бусин на подлокотник. Громкий стук заставил тысячника и сотника тут же опуститься на колени. Четыре Великих Хранителя не преклонили колен, но прекратили витать в облаках. Сжимая турмалин, Хэ Сы холодно произнёс:

— Говорить неприятные вещи я уже устал. Вы все — старые служаки Восточной палаты, ещё со времён старого главы Палаты занимаете свои посты. Скажите мне: разве при нём в столице случалось нечто столь вопиющее?

Убийства и поджоги прямо под носом у Восточной палаты, да ещё и покушение на самого наместника — если об этом пройдёт слух, это будет неслыханный позор.

Тысячник-палач обливался холодным потом, его плечи почти касались пола:

— Мы проявили нерадивость. Готовы понести наказание.

— Наказание подождёт. Через несколько дней князья начнут съезжаться в столицу. У меня есть чувство, что это дело как-то связано с ними. Выделите больше людей и следите за каждым их шагом. Записывайте всё: когда встают, когда ложатся, что едят, с кем встречаются, о чём говорят. Ни единого слова не упустить! — холодно распорядился Хэ Сы.

Все почтительно склонили головы.

Хэ Сы слегка смягчился:

— Знаю, братья, под Новый год и вам домой хочется, но на своём посту надо нести службу. Как праздники пройдут — устрою вам хороший отпуск, навестите родных.

Подчинённые слегка вздохнули с облегчением и поспешили выразить благодарность.

Когда тысячник-палач и сотник-дознаватель удалились, в зале остались лишь Четыре Великих Хранителя.

Хэ Сы, не поднимая глаз, сказал:

— Ван Чжаоцай продолжит следить за князем Нин. Цянь Цзиньбао, раз уж ты редко бываешь в столице, поброди, познакомься с людьми. Что касается Ли Баого...

Ли Баого, словно призрак, бесшумно выплыл из тени:

— Я здесь.

«Вот же чудило, — подумал Хэ Сы. — Я ещё не договорил, а он уже отзывается!»

Хэ Сы действительно не придумал, куда пристроить Ли Баого, но тот сам мрачно предложил:

— Наместник, госпожа Цин из Дворца Нефритовой Жабы уже несколько дней настаивает на встрече с вами. Как прикажете?

Хэ Сы: «...»

Когда ему было встречаться с безумной наложницей из холодного дворца? Но, вспомнив, что его приёмный отец о ней заботился, он нехотя согласился:

— Ладно, сегодня по возвращении во дворец навещу старушку.

Подумав, он решил оставить Ли Баого при себе — пусть вместе с Чжао Цзинчжуном составляет пару верных помощников. Прошное покушение показало, что в его окружении ещё много упущений, и лишняя защита его собачьей жизни не помешает.

После небольшого совещания в Восточной палате все разошлись по своим делам. Хэ Сы тоже не стал задерживаться и тут же отправился обратно во дворец верхом.

Пройдя через ворота Тайаньмэнь, он столкнулся со слугой юного императора. Тот, запыхавшись, подбежал к нему, словно увидел спасителя:

— Наместник, вы наконец-то вернулись!

«Неужели нельзя придумать другую фразу? — с каменным лицом подумал Хэ Сы. — Каждый раз, когда видят меня, будто лик Будды узрели».

Он слез с лошади, бросил поводья и, едва успев заглотить слова «маленький черепашонок», с усилием выдавил добродушную улыбку:

— Его Величество что-то приказал?

Слуга не выглядел испуганным. После того как Хэ Сы разобрался с группой слуг в Дворце Небесной Чистоты, мелкие евнухи и служанки боялись даже взглянуть на него:

— Новый инструктор прибыл сегодня во дворец для урока Его Величеству, но тому это не по нраву. Он просит вас прийти.

— Инструктор? — переспросил Хэ Сы.

<http://bllate.org/book/16284/1467099>